БИБЛІОТЕКА
ГЛАВНАГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА

БИБЛІОТЕКА

СѢВЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ

XVII-мъ ВѢКѢ

Древне-русскій сѣверный поморскій [1]) монастырь не разъ уже привлекалъ къ себѣ вниманіе нашей исторической литературы, которая хорошо выяснила его значеніе и какъ просвѣтительно-нравственнаго учрежденія въ окружающей его темной средѣ, подававшаго обществу назидательный примѣръ высокаго нравственнаго совершенствованія и упорной борьбы съ человѣческой природой путемъ аскетическаго подвига и, съ другой стороны, какъ хозяйственной организаціи, землевладѣльческой или промышленной, сыгравшей видную колонизаторскую роль въ сѣверномъ краѣ, нерѣдко руководившей обществомъ въ его борьбѣ съ суровой внѣшней природой. Нѣсколько вновь найденныхъ неизданныхъ документовъ, относящихся къ XVII в., даютъ оправданіе нашей попыткѣ еще разъ возвратиться къ этому далеко не новому вопросу о значеніи монастыря въ исторіи нашего Сѣвера.

I.

Прежде всего является возможность бросить нѣкоторый [illegible] именно на хозяйственное, землевладѣльческое значен[illegible]

[1]) „Поморскими городами", Поморьемъ на а[illegible] XVII вв. назывались мѣстности на сѣверѣ Евр[illegible] по Онежскому озеру и по рѣкамъ Онегѣ, С[illegible] съ Вяткой.

на Сѣверѣ, указавъ положеніе, которое онъ занималъ среди другихъ землевладѣльцевъ края. Въ древности въ Поморьѣ земля распредѣлялась между тремя разрядами собственниковъ: наибольшая ея часть принадлежала государству, была государственной „черной“ землей, какъ тогда выражались; другая часть принадлежала частнымъ лицамъ; наконецъ, третья составляла собственность церкви, церковныхъ учрежденій и въ томъ числѣ монастырей. Благодаря свойству матеріала, къ которому обыкновенно обращаются за статистическими свѣдѣніями по древне-русскому землевладѣнію—„писцовымъ“ книгамъ разныхъ видовъ, т.-е. поземельнымъ и подворнымъ переписямъ, предпринимавшимся время отъ времени московскимъ правительствомъ,—приходится отказаться отъ мысли узнать точное отношеніе между тремя указанными видами землевладѣнія, такъ какъ писцовыя книги не представляютъ полныхъ данныхъ для пространственныхъ опредѣленій. Однако нѣтъ основаній отказываться отъ надежды вычислить это отношеніе, хотя бы очень приблизительно, въ грубыхъ очертаніяхъ. Названный выше матеріалъ даетъ для такого вычисленія средства. Отношеніе видовъ землевладѣнія можно приблизительно выразить по даннымъ о населеніи каждаго вида земель, по цифрамъ дворовъ разныхъ категорій крестьянъ, записанныхъ на этихъ земляхъ. Правда, сравненіе этихъ цифръ дворовъ не дастъ намъ представленія о сравнительной величинѣ земельныхъ площадей. Оно покажетъ только распредѣленіе народнаго труда по разнымъ категоріямъ землевладѣнія, но этимъ трудомъ и измѣрялись встарину земли гораздо чаще, чѣмъ земельными мѣрами, такъ какъ цѣнилась только та земля, къ которой прилагался трудъ. Припомнимъ, что еще въ первой половинѣ XIX в. размѣры имѣній выражались не количествомъ земли, а количествомъ приложенной къ ней рабочей силы,—значащихся въ имѣніи крѣпостныхъ душъ. Въ общемъ распредѣленіе, по крайней мѣрѣ, обрабатываемыхъ земель по тремъ категоріямъ землевладѣльцевъ, конечно, будетъ соотвѣтствовать этому распредѣленію дворовъ.

Сравненіе цифръ дворовъ показываетъ намъ, что церковное землевладѣніе на сѣверѣ XVII в. занимаетъ второе мѣсто, уступая первенство черной государственной землѣ, составлявшей по отдѣльнымъ тогдашнимъ уѣздамъ отъ 65% до 99% всей земли.

Изъ 15 уѣздовъ, составъ землевладѣнія которыхъ намъ извѣстенъ по писцовымъ книгамъ XVII в., только въ двухъ преимущественно черносошныхъ: Мезенскомъ (по р. Мезени) и такъ называемыхъ Устьянскихъ волостяхъ (по верховьямъ рѣки Ваги

и ея притокамъ Устьѣ и Пежмѣ) не было церковныхъ владѣній, если не считать небольшого количества земель, отведенныхъ приходскимъ церквамъ, которыя правильнѣе относить къ чернымъ же землямъ, такъ какъ ихъ хозяевами были тѣ же общества—міры государственныхъ крестьянъ, которые распоряжались черною землею. Въ остальныхъ мѣстностяхъ владѣнія церковныхъ учрежденій, т.-е., главнымъ образомъ, монастырей, съ присоединеніемъ сюда сравнительно съ монастырями небольшого количества земель архіерейскихъ каѳедръ, составляли отъ 32,8% до 5%. Церковными землями особенно изобиловали: Заонежье—мѣстности вокругъ Онежскаго озера (2.431 дворъ въ 1646 г.—32% всѣхъ дворовъ уѣзда), гдѣ находились вотчины новгородскаго митрополита и крупныхъ новгородскихъ монастырей, Вятская земля (2.089 дворовъ въ 1678 г.—24,3%), Двинскій уѣздъ съ громадными территоріями Соловецкаго монастыря и съ вотчинами множества поморскихъ монастырей, среди которыхъ наиболѣе крупнымъ былъ Антоніевъ-Сійскій (всего 777 дв. въ 1678 г.—21% дворовъ всего уѣзда). Въ остальныхъ уѣздахъ доля церковнаго землевладѣнія среди другихъ категорій землевладѣній была гораздо меньше, спускаясь отъ 13%—въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ до 5% въ Кайгородскомъ и Чердынскомъ по книгамъ 1678 г.

Въ Поморьѣ владѣли землями въ XVII в. нѣкоторые не поморскіе иногородные монастыри. Такъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю принадлежали рыбные промыслы на южной части Кольскаго полуострова въ волости Умбѣ. Крупные новгородскіе монастыри: Никольскій Вяжицкій, Спасовъ Хутынскій и Ростkинъ Дѣвичій владѣли вотчинами въ Заонежьѣ; московскіе монастыри Троице-Сергіевскій и Новоспасскій были вмѣстѣ съ поморскими Соловецкимъ и Николо-Корельскимъ дольщиками во владѣніи другою волостью на южномъ берегу Кольскаго полуострова—Варзугой, доходной заморской колоніей крупнѣйшихъ русскихъ монастырей, составлявшихъ во главѣ съ патріархомъ какъ бы своего рода промысловое товарищество для ея эксплоатаціи. Можно замѣтить, что по преобладающему характеру своихъ владѣній новгородскіе монастыри оказывались въ Поморьѣ преимущественно сельскими хозяевами, тогда какъ московскіе владѣли здѣсь, главнымъ образомъ, соляными и рыбными промыслами.

Мѣстные поморскіе монастыри, не говоря пока о Соловецкомъ, въ виду несоизмѣримости его владѣній съ владѣніями всѣхъ остальныхъ, можно подраздѣлить на двѣ категоріи: къ первой

можно отнести крупные монастыри, ко второй — пу́стыни. Въ каждомъ краю Поморья была своя выдающаяся, наиболѣе чтимая обитель, знаменитая подвигами основавшаго ее святого, мощи котораго тамъ иногда покоились, или славившаяся какой-нибудь чудотворной иконой. Эти святыни привлекали къ монастырямъ богомольцевъ, а также пожертвованія деньгами и землей, изъ которыхъ составлялось и росло богатство монастыря. По описаніямъ, сохраненнымъ намъ писцовыми книгами, мы можемъ возстановить видъ такого крупнаго сѣвернаго монастыря. Онъ стоитъ обыкновенно на берегу рѣки, озера или на морскомъ берегу при рѣчномъ устьѣ; въ немъ двѣ или три церкви; при одной изъ нихъ трапезная, гдѣ сходится братія, и иногда „келарская", гдѣ принимаютъ и угощаютъ знатныхъ посѣтителей. Церкви всегда деревянныя, только въ двухъ монастыряхъ по писцовымъ книгамъ XVII в. показаны каменныя: въ Антоніевомъ-Сійскомъ упоминается уже въ 20-хъ годахъ каменная церковь о пяти верхахъ и въ Архангельскомъ монастырѣ на Устюгѣ по описанію 1678 г. — „церковь холодная, каменная на палатахъ о пяти главахъ съ двумя придѣлами; около церкви кругомъ паперть каменная жъ. У паперти на переднемъ углу съ сѣвера колокольня каменная шатровая. На церкви и на колокольнѣ главы опаяны бѣлымъ желѣзомъ". Каменная колокольня также рѣдкость; обыкновенно она деревяная „рубленая" и на ней иногда „часы боевые". Писцовая книга подробно перечисляетъ колокола, большіе и малые, съ указаніемъ ихъ вѣса и именъ жертвователей. Такія же подробныя описанія даетъ она для церковной утвари, иконъ, облаченій, а въ нѣсколькихъ случаяхъ переписана даже металлическая, оловянная и мѣдная монастырская посуда, служившая признакомъ достатка по тому времени: блюда, тарелки, судки, кандеи, кумганы, ендовы, котлы и т. д. „На монастырѣ", т.-е. около церквей, расположены кельи братіи, причемъ высшіе чины монастыря—игуменъ, строитель, келарь, казначей, соборные старцы—живутъ въ особыхъ кельяхъ, остальная братія—въ нѣсколькихъ общихъ, но иногда каждый инокъ помѣщается въ особой, вѣроятно очень небольшихъ размѣровъ кельѣ. Тутъ же находятся и необходимыя службы: хлѣбня, поварня и, по большей части, „больничная келья". Монастырь обнесенъ деревянной оградой, „заборомъ", „заметомъ". За оградой расположены обыкновенно конный и скотный дворы и мельница, при которыхъ живутъ монастырскіе слуги, дѣтеныши или наемные работники. Иногда за монастыремъ устроенъ особый „дворъ гостинъ" или „дворъ для пріѣзжихъ людей", т.-е. гостиница для

богомольцевъ. Нерѣдко у монастыря ютится еще особая слободка, населенная монастырскими вкладчиками и бобылями-ремесленниками, работающими на монастырь.

Таковы были въ заонежскихъ погостахъ монастыри: св. Александра Свирскаго, расположенный по рѣкѣ Свири въ 35-ти верстахъ отъ города Олонца, владѣвшій 85 крестьянскими и бобыльскими дворами, Муромскій—на Онегѣ-озерѣ съ 30-ю дворами и Рождественскій Палеостровскій, въ вотчинахъ котораго числилось 11 дворовъ по переписи 1648 г. Богатѣйшимъ монастыремъ Каргопольскаго уѣзда былъ Ошевенскій-Успенскій на рѣкѣ Чурьюгѣ (лѣвомъ притокѣ Онеги). Второе мѣсто въ томъ же уѣздѣ занималъ Кожеозерскій монастырь на берегу Кожеозера въ Турчасовскомъ стану, владѣвшій 33 крестьянскими дворами въ разныхъ волостяхъ этого стана и рыбными промыслами въ Керетской волости Кольскаго уѣзда. Въ Кольскомъ уѣздѣ почитался Печенгскій монастырь на Мурманскомъ берегу — самый сѣверный изъ всѣхъ русскихъ монастырей, основанный преподобнымъ Трифономъ въ 1533 г. на р. Печенгѣ при впаденіи въ нее р. Имани. Черезъ нѣкоторое время по основаніи, онъ раздвоился: часть его была перенесена къ самому устью Печенги. Въ 1590 г. монастырь былъ сожженъ норвежцами; братія принуждена была искать спасенія въ Кольскомъ острогѣ, гдѣ пріобрѣла себѣ дворъ. Въ 1606 г. монастырю было отведено другое мѣсто у самаго города Колы; на старомъ же пепелищѣ на р. Печенгѣ были поставлены двѣ часовни: одна—на мѣстѣ первоначальнаго основанія надъ мощами преподобнаго Трифона, другая—при устьѣ Печенги „для лопскаго крещенія и вѣры православной“, какъ замѣчаетъ писцовая книга 1608 г., т.-е. для поддержанія православія среди окрестныхъ лопарей. При этихъ часовняхъ жило по два ежегодно смѣнявшихся старца, пріѣзжавшихъ изъ монастыря. Въ обители по описанію 1608 г. значились: игуменъ, 5 іеромонаховъ, 1 дьяконъ, 52 старца, 61 дьячковъ и трудниковъ, до 150 наемныхъ казаковъ (работниковъ). Владѣнія монастыря были значительны. Ему принадлежали рыбныя ловли по Мурманскому берегу, къ востоку и западу отъ Колы. „Всего“—заканчиваетъ книга описаніе владѣній монастыря—„съ тѣхъ угодьевъ, что Печенгскаго монастыря за старцы съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ и съ тонь, и съ ручьевъ, и съ сѣнныхъ покосовъ, съ поженъ и съ росчистей, и съ теребовъ, съ Печенгскіе губы, и съ рѣки Печенги, и съ иныхъ рѣкъ и тонь, и съ Колы рѣки съ половины забора (т.-е. съ половины рыбнаго улова, производившагося посредствомъ устройства

забора въ рѣкѣ), и съ тонь, и съ рѣчки, и съ варницы, что въ Кольской губѣ и съ Туломскихъ рыбныхъ ловель, и съ сѣнныхъ покосовъ, что на Туломѣ рѣкѣ и по Колѣ и въ Кольской губѣ, и съ мельницею, и съ луговыхъ угодій, на которыхъ нынѣ оброкъ положенъ... было прежде всего въ государеву казну дани и оброку 17 р. 11 алт. на годъ". Но по жалованной грамотѣ Василія Шуйскаго монастырь былъ освобожденъ отъ платежа этихъ денегъ. Мало того, въ его пользу шли дань и оброкъ съ трехъ погостовъ, населенныхъ крещеными лопарями, которые, по замѣчанію писцовой книги, „промышляютъ въ лѣтѣ на морѣ, удятъ рыбу, а живутъ на морскомъ берегу въ вежахъ; а въ осень по лѣшимъ мѣстомъ, по озеркамъ, по монастырской вотчинѣ ловятъ бѣлую рыбу, да по лѣсу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, тѣмъ ся и кормятъ".

Съ такою же физіономіей рыбопромышленнаго предпріятія, только меньшихъ размѣровъ, выступаетъ и другая обитель Кольскаго полуострова—Кандалашскій монастырь, расположенный при устьѣ рѣки Нивы, впадающей въ Кандалашскую губу. Монахъ-рыболовъ чувствуется здѣсь изъ-за тѣхъ отрывистыхъ сухихъ данныхъ, которыя приводятся писцовой книгой, описавшей монастырь въ 1608 году. Здѣсь видимъ также церковь съ трапезной и келарской, среди келлій—двѣ больницы, поварню, хлѣбню, швальню, дружинную (дружинами называются на сѣверѣ рыболовные отряды), скотный дворъ, амбары съ монастырскими запасами „да за монастыремъ на другой сторонѣ отъ моря амбаръ монастырскій же, а держатъ въ немъ судовую снасть". Въ монастырѣ было тогда 31 человѣкъ трудниковъ, „да по службамъ наемныхъ соловаровъ и дровосѣковъ, и дрововозовъ—70 человѣкъ". Изъ этихъ цифръ о личномъ составѣ сѣверныхъ промышленныхъ монастырей Печенгскаго и Кандалашскаго видно, въ какой широкой степени примѣнялся на ихъ промыслахъ вольнонаемный трудъ.

Въ Двинскомъ уѣздѣ доминирующую роль, конечно послѣ Соловецкаго, игралъ Антоніевъ-Сійскій монастырь, основанный въ двадцатыхъ годахъ XVI в. на островѣ озера Михайлова, вблизи рѣки Сіи, впадающей въ Двину, одинъ изъ богатѣйшихъ древнерусскихъ монастырей. По писцовой начала двадцатыхъ годовъ XVII в. въ немъ считалось 89 чел. монаховъ. Въ складахъ монастыря на Вологдѣ лежало въ моментъ описи 14.000 пудовъ соли, да на Холмогорахъ 10.000 пудовъ. Монастырь велъ значительныя соляныя операціи, пуская ежегодно по Двинѣ два дощаника съ солью, вмѣстимостью въ 8.000 пудовъ каждый. Всего

за монастыремъ въ его деревняхъ Двинскаго уѣзда по переписи 1622—24 гг. значилось 180 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и это число возросло до 309 къ 1678 г.

Изъ остальныхъ монастырей Двинскаго уѣзда наиболѣе крупными были Архангельскій, древнѣйшій монастырь края, основанный, по преданію, въ XII вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Архангельскъ, такъ что монастырь оказался потомъ въ чертѣ города; Николо-Корельскій—на одномъ изъ острововъ Пудожемскаго устья Двины, основанный Маѳою Борецкою надъ могилами ея погибшихъ здѣсь на морѣ сыновей. Изъ описанія Корельскаго монастыря въ писцовой книгѣ видно, что онъ игралъ роль крѣпости: онъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, а въ монастырской казнѣ хранилось 25 нѣмецкихъ самопаловъ и пудъ зелья.

На сѣверо-востокѣ Поморья, въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ на рѣкѣ Печорѣ и въ обширномъ Яренскомъ уѣздѣ значительныхъ монастырей мы не встрѣчаемъ; тамъ были только небольшія пустыни. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ XVII в. было всего два монастыря, оба крупныхъ, поддерживаемыхъ пожертвованіями Строгановыхъ: Николо-Коряжемскій—при впаденіи Коряжемы въ Вычегду, и Введенскій, находившійся въ самомъ посадѣ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ—цѣлая группа крупныхъ монастырей; два изъ нихъ—на посадѣ: Архангельскій и Ивановскій; Троицкій-Гледенскій—при сліяніи Юга съ Сухоной въ Быкокурскомъ стану; Телѣговъ—на Двинѣ, при впаденіи рѣчки Телѣговки въ волости Канзѣ Комарицкаго стана; Николо-Прилуцкій—на Двинѣ въ Ярокурскомъ стану. Устюжскіе монастыри занимаются преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Ихъ владѣнія состоятъ изъ пахотныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій; рыбные промыслы въ рѣкахъ, при которыхъ расположены монастыри, служатъ лишь потребностямъ монастырскаго обихода.

Монастырскія владѣнія достигаютъ громадныхъ размѣровъ въ Вятской и Пермской земляхъ, и ихъ колоссальный ростъ совершается въ теченіе XVII в., параллельно съ тѣмъ, какъ колонизуется эта страна. Главной обителью Вятской земли былъ Успенскій-Трифоновъ монастырь, основанный по ходатайству вятскаго земскаго міра. При основаніи ему было пожаловано нѣсколько пригородныхъ пустошей. Въ 1678 г. писцы насчитали въ двухъ слободкахъ, расположившихся подъ оградой монастыря, 57 дворовъ, а въ его вотчинахъ, раскиданныхъ по всему Хлыновскому уѣзду, 1.090 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ

въ 5.276 чел. мужского пола. Въ Пермской землѣ крупнѣйшимъ былъ Пыскорскій монастырь въ Соликамскомъ уѣздѣ, основанный Строгановыми въ 1558—60 годахъ и бывшій для нихъ семейной святыней. Строгановы уже при основаніи отвели ему обширныя земли по обоимъ берегамъ рѣки Камы и впослѣдствіи увеличивали ихъ количество новыми пожертвованіями. Вотчина монастыря представляла сплошную территорію и была выдѣлена въ особый административный округъ, независимый отъ уѣзднаго управленія. По переписи 1624 г. въ ней считалось 35 дворовъ. Перепись 1647 г. насчитывала уже 365 дворовъ; это число понизилось къ 1678 г. до 271, что̀ объясняется переселеніемъ крестьянъ съ монастырскихъ земель въ Кунгурскій край, которое было предпринято правительствомъ съ цѣлью колонизаціи этого края межъ переписями 1647—1678 гг.

Всего въ XVII столѣтіи въ Поморьѣ, кромѣ уѣздовъ Важскаго края (по рѣкѣ Вагѣ, притоку Сѣв. Двины) и Чарондскаго (по берегамъ озера Воже), писцовыя книги которыхъ не сохранились, можно насчитать 76 монастырей, не включая сюда Соловецкаго и нѣсколькихъ зависимыхъ отъ него ближайшихъ къ нему скитовъ.

Соловецкій монастырь по размѣрамъ своихъ владѣній стоялъ совершенно особнякомъ между сѣверными монастырями. Достаточно простого перечня его вотчинъ и промысловъ, чтобы составить себѣ представленіе объ ихъ размѣрахъ.

Монастырь участвовалъ въ промыслахъ на Мурманскомъ берегу въ Кольскомъ уѣздѣ, гдѣ держалъ свои избы и амбары. Въ томъ же Кольскомъ уѣздѣ ему была пожалована вся Керетская волость, гдѣ, кромѣ охоты, рыбной ловли, солеваренія, жители и прихожіе промышленники занимались добычей жемчуга и слюды. „Въ Керети, — говорится въ писцовой книгѣ Кольскаго уѣзда 1608 г.,—тутошніе жильцы и прихожіе люди промышляютъ жемчугъ, а изъ тое добычи идетъ на государя десятое лучшее зерно“... „Въ Керетской волости, на Пулонгскомъ озерѣ тутошніе керетскіе жильцы и чюпляне, и чернорѣчане (погосты въ Чюпѣ и на Черной рѣкѣ) прихожіе люди промышляютъ въ каменныхъ горахъ—бьютъ слюду“. Въ концѣ XVI в. монастырь пріобрѣлъ небольшое владѣніе и въ другой Кольской волости—Кандалакшѣ. Монастырь былъ также дольщикомъ въ эксплоатаціи выше упомянутыхъ промышленныхъ волостей—Варзуги и Умбы на южномъ берегу Кольскаго полуострова. Особенно крупныя владѣнія были у монастыря по западному берегу Онежской губы, гдѣ хозяйничала нѣкогда Марѳа Борецкая. Можно сказать, что весь этотъ

такъ называемый Корельскій берегъ на всемъ протяженіи отъ рѣки Кеми до рѣки Куши, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, принадлежавшихъ находившемуся здѣсь Николо-Корельскому монастырю, составлялъ сплошную вотчину Соловецкой обители. Въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія въ собственность ей была отдана вся Кемская волость подъ условіемъ постройки тамъ для защиты отъ нападенія шведовъ—„каянскихъ нѣмцевъ"—крѣпости-острога, которую монастырь и сооружалъ на свои средства, содержа тамъ свой стрѣлецкій гарнизонъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Двинскаго уѣзда Соловецкому монастырю принадлежалъ погостъ Яренга съ 17-ю дворами по переписи 1678 г. Такихъ тянувшихся сплошными пространствами волостей, какъ въ Онежской губѣ, по берегу Двинской губы у монастыря не было, но его владѣнія: дворы, амбары, мельницы, соляныя варницы и рыбныя ловли, встрѣчаются въ каждомъ сколько-нибудь важномъ промышленномъ пунктѣ и этого побережья: въ Лудѣ, Унской губѣ, Неноксѣ, на рѣкѣ Солзѣ и на рѣкѣ Куѣ. Во внутренней части Двинскаго уѣзда, за монастыремъ, по книгамъ 1678 г. было въ Куреской волости и у церкви на погостѣ на берегу Двины три двора бобыльскихъ, принадлежавшихъ монастырю, и три двора „монастырскихъ", въ одномъ изъ которыхъ жили „приказные старцы, да служки монастырскіе для судовой пристани". Очевидно, что это была монастырская пристань, необходимая для монастырской флотиліи „дощаниковъ" и „карбасовъ", на которыхъ монастырь возилъ свою соль по Двинѣ. Роль такой же пристани, но болѣе крупной, съ торгомъ и ярмаркой, играло другое владѣніе монастыря на верхней Двинѣ въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда—Красноборскій погостъ съ 47-ю бобыльскими дворами, пріобрѣтенный монастыремъ въ концѣ XVII в. На погостѣ, по описанію 1676 г., значилось 66 лавокъ и амбаровъ, принадлежавшихъ, кромѣ монастыря, еще церкви Спаса Красноборскаго, Строгановымъ и устюжанамъ: посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ. Погостъ славился чудотворной иконой, привлекавшей богомольцевъ и содѣйствовавшей оживленію торга.

Изъ этого обзора видно, что Соловецкій монастырь предпочиталъ пріобрѣтать владѣнія по берегу моря, а не внутри поморскихъ уѣздовъ, такъ какъ въ Поморьѣ морскіе промыслы неизмѣримо доходнѣе сельскаго хозяйства и на ихъ эксплоатацію и была направлена хозяйственная дѣятельность монастыря. Изъ этихъ промысловъ выварка соли была главнымъ экономическимъ рессурсомъ монастыря. Въ XVII вѣкѣ онъ былъ, можетъ быть,

главнѣйшимъ поставщикомъ соли на русскій рынокъ. Онъ продавалъ ея до 130.000 пудовъ ежегодно [1]).

Въ число указанныхъ выше 76 монастырей входятъ какъ крупные монастыри, съ которыми мы уже познакомились, такъ и мелкіе—пустыни, къ категоріи которыхъ мы относимъ монастыри незначительные по составу братіи, бѣдные владѣніями или хотя и обладающіе значительными имуществами, но несамостоятельные, „приписанные“ къ большимъ монастырямъ и находящіеся отъ нихъ въ зависимости. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта цифра монастырей, записанныхъ въ писцовыя книги, должна быть далека отъ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ ихъ было больше. Не всегда монастырь былъ постояннымъ и прочнымъ учрежденіемъ; иногда существованіе его было мимолетно: онъ появлялся и исчезалъ въ той или другой мѣстности вмѣстѣ съ появленіемъ и исчезновеніемъ своего основателя, не успѣвая вырости, пустить прочныхъ корней въ той землѣ, гдѣ возникалъ, и попасть въ описаніе писцовой книги. Впрочемъ, описаніе такихъ микроскопическихъ монастырей, все-таки, встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ XVII в. Такъ, описывая въ 1648 г. Александровъ Ошевенскій монастырь на р. Чюрьюгѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, писецъ отмѣтилъ и зависѣвшую отъ него „пустыньку“ на рѣчкѣ Шелтомѣ, „а въ ней церковь Преображенія Спасова, да дворъ монастырской, а въ немъ старецъ“. Вотъ и весь составъ этой пустыньки, которая, быть можетъ, со смертью этого старца запустѣетъ и совсѣмъ исчезнетъ. Таковы монастырьки: Троицкій, въ Удорской волости, Яренскаго уѣзда, на р. Удорѣ, гдѣ въ 1616 г. жилъ всего одинъ вкладчикъ, совсѣмъ запустѣвшій къ 1676 г., а также, обозначенная пустою въ этомъ году, пустынька Спасская при устьѣ р. Куломы, впадающей въ Вычегду въ томъ уѣздѣ.

II.

Въ XVII в. развитіе на сѣверѣ монастырской жизни продолжалось. Шелъ тотъ же процессъ монастырской колонизаціи края, который можно наблюдать и въ предыдущее время. Новые монастыри продолжали возникать на сѣверѣ въ теченіе вѣка, и это отмѣчалось иногда писцовыми книгами, какъ, напримѣръ,

[1]) *Ключевскій.* Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. Моск. Универс. Изв. 1866—67 г. № 7, стр. 554 и слѣд.

было отмѣчено возникновеніе въ Каргопольскомъ уѣздѣ пустыней Кодлозерской и Богоявленской, „ставшей вновь въ Мошенскомъ стану надъ Елгомскимъ озеркомъ“. Въ Устюжскомъ уѣздѣ по описанію 1622—26 г. „стала ново“ въ 1618 г. пустынь Зосимы и Савватія въ Ярокурскомъ стану на р. Двинѣ. Описаніе Тотемскаго уѣзда, произведенное въ 1622—25 гг., отмѣтило въ качествѣ новой („стала лѣтъ 15“) пустыню такъ же во имя Зосимы и Савватія, святыхъ, особенно чтимыхъ на сѣверѣ, въ Заозерской волости, а слѣдующее описаніе того же уѣзда въ 1646 г. нашло уже новую пустынь, ставшую послѣ предыдущихъ писцовъ, въ честь Срѣтенія Владимірской иконы. Основаніе этихъ пустыней совершается при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ той же обстановкѣ, какъ это было и въ болѣе раннія времена, о которыхъ повѣствуютъ житія святыхъ. Изъ большого монастыря уходитъ инокъ, а иногда и простой трудникъ, которому даже и монастырская жизнь кажется слишкомъ шумной, и ищетъ уединенія въ лѣсной глуши, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дебри и лѣсы темные, и чащи, и дрязги великія имать и мхи и блата непостоянныя“. Тамъ онъ строитъ себѣ келью и часовню. Рисуя такую картину природы, окружающей пустыню, воображеніе составителя житія не на много отступало отъ оффиціальнаго отчета писца, начинавшаго свое описаніе, напримѣръ, такъ: „Въ Устюжскомъ уѣздѣ, за Ягрышскою волостью, за лѣсомъ, за болоты въ 40 верстахъ пустыня Соезерская надъ Соезерскимъ озеромъ и на рѣчкѣ Сойгѣ“. Далѣе идетъ извѣстный процессъ: вокругъ отшельника собираются послѣдователи, строится церковь и кельи, начинается хозяйственная разработка дебрей, о которой составитель житія скажетъ: „святый труждашеся вельми, лѣсы сѣчаше и нивы насѣваше“ и которая является сюрпризомъ для наѣзжающаго писца. Иногда писецъ захватитъ этотъ процессъ въ самомъ началѣ. „Займище Блохина гора на дикомъ, на большомъ, на черномъ лѣсу, на рѣчкѣ на Воймонгѣ“,—читаемъ мы въ писцовой книгѣ Тотемскаго уѣзда 1625 г.,—„межь Печенгскіе и Вотченскіе волости и отъ тѣхъ волостей верстъ 20 и больши. А на томъ займищѣ стоитъ часовня да келья, да житница, да овинъ. Пашни новорочистныя по смѣтѣ 10 четвертей. А строили тое часовню и келью и подъ пашню разчищали лѣсъ на томъ займищѣ съ Тотьмы Спаса Суморина монастыря Ѳедосьевы пустыни трудникъ старецъ Александръ, да черной попъ Тихонъ“.

Писецъ, утверждая это займище за занявшими, продолжаетъ: „И тѣмъ старцамъ на томъ займищѣ дворы строить и

крестьянъ безпашенныхъ и вольныхъ охочихъ людей называть и лѣсъ подъ пашню и сѣнные покосы разчищать". Иногда писцу приходится, сдѣлавъ настоящее открытіе, занести въ книгу уже самые результаты колонизаторской дѣятельности монастыря. „Въ Тотемскомъ же уѣздѣ у Галицкаго рубежа",—читаемъ мы въ той же писцовой,—„*сыскано*" въ Илеской волости, въ урочищахъ и угодьяхъ межъ болотъ и отъ людей со всѣхъ сторонъ отдалѣло, у Бабья озерка стала пустыня нова лѣтъ съ 20, монастырь чудотворца Николы, а строилъ ту пустыню старецъ Сергій изъ Важскаго уѣзда отъ Николы чудотворца съ Маркуща собою по явленію образа Николы же чудотворца", т.-е. подвигнутый чудеснымъ явленіемъ ему иконы св. Николая. Пустынь ко времени описанія достигла уже значительныхъ размѣровъ и получила обычный видъ сѣвернаго монастыря. У основателя монастыря, чернаго старца Сергія, хозяйственные колонизаторскіе интересы, повидимому, не были отодвинуты на задній планъ заботами о спасеніи души. Монастырю по писцовой книгѣ принадлежало 7 деревень съ 35-ю крестьянскими дворами. „А ссаживалъ (т.-е. устраивалъ) тѣ деревни"—замѣчаетъ писцовая книга—„строитель старецъ Сергій не въ давнихъ годѣхъ лѣтъ съ 15, призвавъ крестьянъ изъ Вологодскаго и изъ Тотемскаго, и изъ Устюжскаго, и изъ Галицкаго уѣздовъ, изъ государевыхъ черныхъ волостей и изъ-за помѣщиковъ съ пашенъ".

Выбравъ мѣсто, устроивъ церковь или часовню съ кельей, основатель монастыря обращается тотчасъ же къ правительству съ просьбой утвердить за нимъ занятую землю или пожаловать ему тѣ или иныя угодья въ окрестностяхъ или оказать какую-либо другую помощь и поддержку. Въ 1606 г. черный попъ Макарій основалъ монастырь на р. Пинегѣ близъ Волока Пинежскаго въ дикомъ лѣсу, въ отдаленномъ отъ людей мѣстѣ на Черной горѣ, желая восполнить недостатокъ, который чувствовали крестьяне той мѣстности, не имѣвшіе по близости обители, гдѣ бы они могли постригаться подъ старость. Основатель подалъ челобитную царю, прося утвердить за нимъ занятое мѣсто подъ условіемъ платежа съ него оброка. Донесеніе земскихъ властей, отводившихъ занятую землю по распоряженію приказа, куда была направлена челобитная, рисуетъ намъ возникающую обитель. Отправившись на Черную гору, земскій судья нашелъ тамъ строящуюся церковь, уже оконченную трапезу, и двѣ кельи 6 человѣкъ собранной братіи, въ томъ числѣ трехъ старцевъ и трехъ трудниковъ. „А земли на той Черной горѣ"—писалъ судья—„пашенныя и непашенныя десятинъ съ десять, а чищено про-

гализнами промежу лѣсомъ, съ половины тое земли пахано, а другая впустѣ, а иная земля подъ лѣсомъ не чищена". Въ 1614 г. подалъ царю челобитную строитель Ламбасской пустыни на р. Пинегѣ въ Кеврольскомъ уѣздѣ, основанной также „на дикомъ лѣсу". По челобитной было предписано воеводѣ ту пустынь „дозрить" и прилегающія къ ней пашни и угодья написать за нею на пропитаніе братіи.

Въ 1653 г., обратился къ царю Алексѣю основатель Неглимозерской пустыни Каргопольскаго уѣзда „убогій чернецъ Тимофеище съ братіей". Своей просьбѣ онъ предпослалъ автобіографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что онъ болѣе 30-ти лѣтъ служилъ стрѣльцомъ въ Архангельскѣ, бывалъ въ отъѣзжихъ заморскихъ службахъ, участвовалъ въ войнѣ съ поляками, былъ подъ многими городами на приступахъ, сидѣлъ въ осадѣ, много разъ былъ раненъ и, наконецъ, послѣ такой бурной военной жизни отъ тѣхъ ранъ и болѣзней постригся и воздвигъ монастырь на пустомъ мѣстѣ, которое „отъ людей удалѣло" такъ, что не было надежды на притокъ милостыни. „Питаемся мы, нищая братія",— продолжаетъ въ своей челобитной основатель—„въ той пустынѣ своими трудами, чистимъ пустой черный лѣсъ... Священники и дьяконъ служатъ безъ доходу, и безъ доходу скучаютъ". Между тѣмъ въ пустынѣ оказалась чудотворная икона, которая уже совершила много замѣчательныхъ чудесъ: воскресила изъ мертвыхъ младенца, пробывшаго мертвымъ болѣе двухъ часовъ, дала прозрѣніе слѣпому, сохранила невредимымъ хлѣбъ въ загорѣвшейся ригѣ и сама осталась нетронутой случившимся въ церкви пожаромъ, истребившимъ находящуюся подъ нею пелену. Подробно описывая эти чудеса, основатель ходатайствовалъ о выдачѣ погодной милостыни изъ государевыхъ каргопольскихъ доходовъ, въ чемъ и успѣлъ, такъ какъ государь велѣлъ давать въ монастырь по 6 р. въ годъ изъ таможенныхъ сборовъ по Каргополю [1]).

Непрерывный ростъ числа небольшихъ монастырей и кратковременность существованія многихъ изъ нихъ затрудняютъ ихъ статистику. Трудно ихъ сосчитать и тѣмъ болѣе указать, хотя бы и очень неточно, размѣры недвижимыхъ имуществъ, находившихся въ ихъ владѣніи. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ монастырь XVII в., какъ бы онъ ни былъ малъ, не имѣлъ такого имущества, „питался своими труды и прихожены обѣтники, кто что на милостыню дастъ". Обыкновенно даже и мелкій монастырь является землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, владѣетъ ка-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Прик. Дѣла 1653 г., № 59.

жими-нибудь промыслами. Землю и промыслы онъ эксплоатируетъ трудомъ самой братіи, если за нимъ не значится крестьянъ, снимающихъ участки.

III.

Выше уже замѣчено, что въ нашей литературѣ хорошо выясненъ вопросъ о значеніи, какое имѣлъ сѣверный монастырь въ нравственной и матеріальной, хозяйственной жизни древней Руси, какъ религіозный и культурный центръ. Дѣйствительно, нельзя не признать за сѣверно-русскимъ монастыремъ значительнаго нравственнаго вліянія на окружающее его общество. Обросставшая свѣтлой легендой память о христіанскихъ иноческихъ подвигахъ ея пустынника-основателя, теплившаяся непрерывно въ монастырѣ, подобно той неугасимой лампадѣ, которая мерцала надъ его гробомъ, и слава о такихъ же подвигахъ его преемниковъ и подражателей среди братіи озаряли темную окружающую среду съ ея мелкими заботами и интересами, внося нѣкоторый лучъ идеализма въ грубую жизнь XVII в. Самая красота монастырскаго богослуженія и весь обиходъ жизни иноковъ, „пріявшихъ ангельскій образъ“, дѣйствовали на воображеніе и чувства богомольца, на время отрывавшагося отъ своей будничной сѣрой обстановки и попадавшаго въ какой-то иной, какъ бы неземной міръ, о которомъ онъ уносилъ потомъ яркое воспоминаніе, не потухавшее, быть можетъ, до конца дней и не разъ передававшееся близкимъ. Монастырь былъ не только средствомъ спасенія для тѣхъ, кто отрекался навсегда отъ міра, но и мѣстомъ для нравственнаго отдыха отъ ежедневной дѣйствительности для мимолетнаго гостя съ котомкой за плечами, котораго онъ манилъ издалека именно этой возможностью хотя бы на время подняться надъ обычными житейскими буднями. Сѣверный монастырь могъ быть также и источникомъ нѣкотораго книжнаго просвѣщенія. Среди братіи были всегда грамотные люди; монастырь всегда владѣлъ книгами, притомъ не только богослужебными. Въ большихъ монастыряхъ библіотеки достигали обширныхъ размѣровъ. Но есть указанія, что иногда и малыя обители обладали значительными книжными богатствами. Такъ, въ первой половинѣ XVII в., не позже 1636 г., небольшому и недавно основанному Красногорскому монастырю на Пинегѣ усердный жертвователь этого монастыря, ярославскій купецъ Егоръ Лыткинъ, прислалъ „книгъ разныхъ печатныхъ и письменныхъ, и знаменныхъ числомъ сто“. Другой документъ, относящійся къ

концу столѣтія, подтверждаетъ это извѣстіе о значительномъ количествѣ книгъ, которымъ обладалъ Красногорскій монастырь. Въ описи монастыря 1689 г. замѣчено, что бывшій на Двинѣ воевода думный дворянинъ И. В. Чаадаевъ взялъ изъ монастыря всякихъ книгъ числомъ сорокъ и возвратилъ только десять, остальныя удержалъ за собою, можетъ быть „зачиталъ", какъ мы бы сказали, выражаясь языкомъ нашего времени. Писцовыя книги, описывая монастырскую утварь, даютъ, повидимому, далеко не полные перечни монастырскихъ книгъ, указывая главнымъ образомъ богослужебныя книги. Но и среди этихъ перечней вдругъ мелькнетъ „Степенная книга" или „Просвѣтитель"—Іосифа Волоцкаго, или „Книга Максимъ Грекъ".

Не слѣдуетъ, однако, идеализировать сѣверный монастырь и преувеличивать его нравственное вліяніе. Онъ отражалъ въ себѣ всю грубость окружавшей его среды, которая входила въ него подъ черной рясой и продолжала сквозить изъ-подъ этой смиренной рясы прежними безобразными пятнами. Соловецкій обиходъ былъ изъ самыхъ строгихъ, и однако въ 1647 г. игуменъ монастыря жаловался царю Алексѣю, что „которые братья охочи пьянаго питья пить и они своихъ мѣръ за столомъ не пьютъ и носятъ по кельямъ, и напиваются допьяна; и отъ того пьянства бываютъ вражда и мятежи, а иные священники и крылошане, и простая братія въ томъ обычаѣ закоснѣли". Основанный на отдаленномъ крайнемъ сѣверѣ Россіи среди дикой Лопи Печенгскій монастырь долженъ былъ по мысли основателя преп. Трифона подвизаться суровымъ миссіонерскимъ подвигомъ, распространять христіанскую вѣру среди язычниковъ лопарей. Но вотъ какая характеристика братіи этого монастыря была представлена въ концѣ XVII в. преосвященному Аѳанасію, архіепископу холмогорскому, по поводу назначенія новаго игумена. „Въ Печенгскомъ монастырѣ братіи монаховъ 14 человѣкъ, да вкладчиковъ 12 человѣкъ. Въ томъ числѣ: 1) Монахъ Тихонъ, породою Кеpечанинъ, лѣтъ совершенно престарѣлъ и очми мало видитъ, грамотѣ не ученъ... и во нравѣ мало постояненъ. 2) Монахъ Алипій, породою и прозваніемъ Лопинъ — живетъ въ монастырѣ казначеемъ года четыре, хмельнаго питья держится не въ малѣ. 3) Монахъ Сильвестръ, житіе живетъ своевольное, съ братіею мало согласное и пьянственнаго питья держится не въ малѣ. 4) Монахъ Илья кузнецъ, живетъ житіе совершенно пьянственное. 5) Монахъ Серафимъ, житель былъ Кольскаго острога, и есть у него въ Кольскомъ острогѣ посестріе и дѣти сыновья женатые и дочери замужнія и зятья...

Лѣты престарѣлъ, житіе живетъ къ воздержанію посредственное и въ трудѣхъ послушенъ, только де къ посестріямъ и къ дѣтямъ его дачею монастырскаго избытка желаніе имѣетъ. 6) Монахъ Арсеній, житель Кольскаго острога, монашествуетъ лѣтъ 5 или 6, житіе живетъ къ пьянству желательное и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко и на ту потребу чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе. 7) Монахъ Іаковъ, заонежанинъ, Корелянинъ, породою отъ рожденія лѣтъ двадцати, грамотѣ неученъ... а пьянства держится съ желаніемъ. 8) Монахъ Калистъ, въ мірѣ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣты средовѣченъ, житіе живетъ совершенно пьянственное, мало и съ кабака сходитъ, грамотѣ неученъ и монастырскаго ничего вѣрить ему невозможно. 9) Монахъ Гурій, Мезенскаго уѣзда, живучи въ братствѣ послушенъ, только человѣкъ онъ пьянственной же, грамотѣ не умѣетъ. 10) Монахъ Ефремъ, вышеписанному старцу Каллисту братъ родной... житіе преходитъ онъ пьянственное и непотребное, во всемъ подобное вышеписанному брату его Каллисту монаху. 11) Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Кольскаго жъ острога... и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и иные сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ прибѣгаетъ и человѣкъ онъ упьянчивой. 12) Іеромонахъ Геронтій, въ мірѣ былъ житель Кольскаго острога, а постригся онъ по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлыхъ годѣхъ у пріему и раздачи государева хлѣба на жалованье служащимъ людемъ былъ цѣловальникомъ. А въ мірѣ житіе онъ жилъ пьянственное жъ. 13) Монахъ Павелъ, былъ въ мірѣ того жъ Кольскаго острога священникъ Петръ. Житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе. 14) Монахъ Иринархъ, житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое, и изъ монастыря въ мірскіе домы ходитъ по часту". Единственный монахъ „преходящій доброе житіе" и былъ назначенъ игуменомъ.

Если даже предположить, что эта характеристика, авторомъ которой былъ „посыльщикъ" города Колы, священникъ кольской Борисоглѣбской церкви, грѣшитъ преувеличеніемъ, то все же трудно подумать, чтобы Печенгскій монастырь въ концѣ XVII в. могъ выполнять свое миссіонерское назначеніе. Перенесенный изъ прежняго пустыннаго уединенія на р. Печенгѣ въ Кольскій посадъ, онъ слишкомъ съ нимъ сблизился: составъ братіи, какъ мы видимъ, въ значительной мѣрѣ пополняется изъ жителей посада. Около половины живущихъ въ монастырѣ—не монахи, свѣтскіе люди-вкладчики, разумѣется, изъ кольскихъ же жителей, не прекращающіе связи съ внѣшнимъ міромъ, да и сами монахи не разрываютъ родственныхъ связей со своими „посестріями" и семьями.

IV.

То же происходитъ и въ другихъ монастыряхъ. Пустыня съ суровыми нравами и подвигами постепенно обращается въ богатую обитель съ разнообразными и тѣсными связями съ окружающей средой по тому имуществу, которымъ обитель владѣетъ. Аскетическіе идеалы подавляются мірскими, матеріальными интересами, и шумъ житейской суеты начинаетъ заглушать тихую молитву инока. Если монастырь оказывалъ вліяніе на окружающее его общество, быть можетъ, одухотворяя его и содѣйствуя возвышенію помысловъ надъ житейскимъ уровнемъ, то, съ другой стороны, и общество не оставалось безъ воздѣйствія на монастырь, матеріализуя и втягивая его въ водоворотъ житейскихъ отношеній и хозяйственныхъ интересовъ. Общество горячо поддерживало монастырь, какъ мѣсто, гдѣ жили молитвенники міра, преемники и продолжатели святыхъ угодниковъ, основавшихъ монастырь, какъ учрежденіе, обладавшее могущественными средствами для спасенія души, и какъ мѣстную святыню, которую чли и которой гордились. Входя въ славу, монастырь быстро богатѣлъ: къ нему притекали пожертвованія, завязывались прочныя связи съ мѣстными капиталистами, которые становились его покровителями, и поддерживали его не только изъ побужденія богоугоднаго дѣла, но иногда также изъ чувства нѣкотораго мѣстнаго патріотизма. Покровительствуемый монастырь становился семейной святыней, какъ бы продолженіемъ домашней церкви и мѣстомъ благочестиваго путешествія на богомолье, а затѣмъ и фамильной усыпальницей. Такъ, Строгановы поддерживали пермскіе и сольвычегодскіе монастыри, обстановка которыхъ созидалась ихъ „строеніемъ“. Изобразительную картину отношеній главныхъ устюжскихъ монастырей къ кружку видныхъ устюжскихъ коммерческихъ фамилій даютъ описанія этихъ монастырей, которыя мы находимъ въ писцовыхъ книгахъ. Обители щедро украшаются ихъ доброхотными даяніями. Та новая каменная о пяти главахъ церковь, которую мы видѣли въ устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ, бывшая такою рѣдкостью для сѣвернаго края въ XVII вѣкѣ, оказывается „строеніемъ по вѣрѣ гостиныя сотни упокойнаго Никифора Ревякина“, одного изъ крупнѣйшихъ представителей устюжскаго купечества. Въ другомъ устюжскомъ монастырѣ—Троицкомъ Гледенскомъ—„евангеліе и крестъ благословящій—положеніе гостя Силы Грудцына,

окладъ на образѣ именитаго человѣка Максима Строганова, разныя книги — положеніе гостя Аѳанасія Гусельникова, гостя Василія Грудцына, гостиной сотни Ивана Грудцына, Исаака да Никифора Ревякиныхъ и т. д. Колокола—также положеніе Грудцыныхъ, Цыбиныхъ, Пеуновыхъ. Въ числѣ жертвователей третьяго крупнаго монастыря, Телѣгова, значатся гости Гусельниковъ и Ѳедотовъ. Монахи хорошо умѣютъ заводить знакомства и поддерживать связи и вдали отъ монастыря и пріобрѣтаютъ иногородныхъ жертвователей. Такъ небольшая Красногорская пустынь на р. Пинегѣ нашла себѣ покровителей въ средѣ ярославскаго купечества.

Эта поддержка общества, оказываемая монастырю, преслѣдовала иногда особыя цѣли, и по самымъ своимъ задачамъ сѣверный монастырь имѣлъ иногда гораздо болѣе мірской житейскій, чѣмъ чисто религіозный характеръ. На сѣверѣ монастырь не разсматривался только какъ мѣсто аскетическаго подвига; онъ былъ въ значительной мѣрѣ заведеніемъ общественнаго призрѣнія. Онъ давалъ пріютъ и пропитаніе множеству нищихъ, которыхъ древняя Русь считала не соціальнымъ зломъ, а скорѣе полезнымъ орудіемъ нравственнаго совершенствованія общества. Въ описаніяхъ монастырей, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, въ очень многихъ случаяхъ упоминаются „больничныя кельи“, „больницы“. Очевидно, монастырь оказывалъ окружающему населенію не только духовно-нравственную, но и врачебную помощь, какую могъ по уровню медицинскихъ знаній того времени, замѣняя теперешнюю городскую или земскую больницу и лечебницу. Наконецъ, монастырь игралъ роль пріюта или богадельни. Посадскій человѣкъ или крестьянинъ находилъ себѣ прибѣжище и успокоеніе на старости лѣтъ подъ монашеской рясой или въ качествѣ бѣльца, живущаго въ тиши монастырской ограды. Съ этою именно цѣлью—доставить пріютъ своимъ членамъ—хлопотали иногда объ основаніи монастырей и давали имъ средства на содержаніе сами городскія и сельскія общества, подобно тому, какъ теперь богадельни и пріюты учреждаются и содержатся городами и земствами. Не разъ уже приводились примѣры основанія такихъ монастырей на сѣверѣ. Такъ, въ 1580 году, отъ всей Вятской земли была подана челобитная Ивану Грозному о томъ, что въ Вятской землѣ монастыря нѣтъ, и вятчанамъ увѣчнымъ людямъ и находящимся при смерти постригаться негдѣ. Результатомъ ходатайства было основаніе въ Хлыновѣ Успенскаго монастыря, которому были отведены пригородныя земли. Въ 1599 году, жители города Слободскаго и

его уѣзда, недовольные порядками хлыновскаго монастыря, приговорили „всѣмъ посадомъ и уѣздомъ, т.-е. на уѣздномъ земскомъ собраніи, основать въ городѣ Слободскомъ свой отдѣльный монастырь, гдѣ бы могли постригаться слободскіе посадскіе люди и волостные крестьяне, которые „во ангельскій чинъ постричься желаютъ", на что и испрашивали патріаршаго благословенія. Такъ возникъ слободской Богоявленскій монастырь. Въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Чухченемской волости существовалъ въ XVII в. Никольскій монастырь такого же земскаго происхожденія. Онъ былъ учрежденъ крестьянами этой волости и еще четырехъ сосѣднихъ, и на его содержаніе крестьяне выдѣлили 14 деревень. Еще въ 1582 г. крестьяне этихъ волостей писали царю, что Никольскій монастырь „строили и деревни къ тому монастырю подпущали и прикупали прадѣды и дѣды, и отцы ихъ и прочили себѣ и своимъ дѣтемъ, и внучатомъ на постриганье и на поминокъ". Слѣдовательно, монастырь былъ основанъ въ очень древнее время и именно съ цѣлью общественнаго призрѣнія „для душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нужныхъ (нуждающихся) людей, которые ходя по міру скитаются", какъ опредѣляли назначеніе монастыря крестьяне тѣхъ же волостей въ половинѣ XVII в. Но такимъ же задачамъ общественнаго призрѣнія служили и всѣ другіе сѣверные монастыри, основанные не земскими мірами, а отдѣльными сподвижниками. Они играли роль своеобразныхъ страховыхъ учрежденій, страховавшихъ какъ на случай смерти, такъ и на случай старости. Значеніе такого страхового договора имѣла особая юридическая сдѣлка—вкладъ. Вкладомъ называлось условное пожертвованіе въ монастырь движимаго или, по большей части, недвижимаго имущества. Вклады бывали двоякаго рода: на поминъ души и на постриженіе. За вкладъ на поминъ души монастырь обязывался вписать имя вкладчика или также имена его родныхъ въ свой синодикъ и поминать эти имена на различныхъ болѣе или менѣе важныхъ службахъ, смотря по условію. Это и было, такимъ образомъ, страхованіе души въ загробномъ мірѣ. Вкладъ на постриженіе былъ страхованіемъ на случай старости, или вообще инвалидности. Чувствуя приближеніе старости, а иногда и очень заблаговременно, посадскій человѣкъ или крестьянинъ дѣлалъ монастырю вкладъ, за который монастырь обязывался принять жертвователя въ тотъ моментъ, какъ жертвователь пожелаетъ, и постричь его или содержать безъ постриженія. Размѣры вкладовъ, какъ и ихъ условія, разно-

образились въ отдѣльныхъ случаяхъ. Иногда монастырь обязывался принять на свое содержаніе: поить, кормить, обувать и одѣвать какъ самого вкладчика, такъ и всю его семью; иногда сила договора распространялась не только на наличный составъ семьи вкладчика, но и на его будущихъ отдаленныхъ потомковъ при ихъ желаніи. Самое постриженіе нерѣдко откладывалось до послѣднихъ минутъ жизни, иногда и совсѣмъ не совершалось, и вкладчикъ оставался бѣльцомъ въ монастырѣ, получалъ келью, снабжался одеждой, питался за монастырской трапезой. Число такихъ призрѣваемыхъ въ монастыряхъ росло къ концу XVII вѣка, а въ началѣ слѣдующаго стало даже превышать число самой братіи. „Въ Холмогорской епархіи“,—читаемъ мы въ донесеніи „инквизитора“ холмогорскому архіепископу въ 1724 г.,—„во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ содержатся многіе вкладчики съ женами и дѣтьми... и таковыхъ вкладчиковъ и совершенныхъ монастырямъ разорителей, жительство имѣющихъ въ таковыхъ пустыняхъ, множество, а въ оныхъ монастыряхъ и пустыняхъ братіи по малому числу и таковыхъ разорителей и тунеядцевъ человѣкъ 50 съ женами и дѣтьми, при монастыряхъ живущихъ и за трапезу ходящихъ съ братіею“. Такъ сѣверный монастырь изъ религіозной общины сталъ обращаться въ многолюдную мірскую богадельню, оказывающую пріютъ лицамъ, вступившимъ съ нимъ въ особую сдѣлку.

V.

Матеріальные интересы, житейскія отношенія, хозяйственныя заботы, возникавшія въ монастырѣ по мѣрѣ того, какъ въ немъ скоплялись богатства, отвлекали его отъ религіознаго назначенія и мѣняли его характеръ. Монастыри становились владѣльцами земель и промысловъ, которые надо было эксплоатировать и продукты которыхъ надо было сбывать. Они вели крупныя коммерческія дѣла: отправляли къ московскому центру сотни тысячъ пудовъ соли и рыбы, будучи главными поставщиками этихъ продуктовъ на московскій рынокъ и крупными участниками общаго торговаго оборота страны. Къ этой эксплоатаціи земель и промысловъ и должна была приспособляться религіозная община, чуждая ей по своимъ задачамъ, и монастырь превращается въ землевладѣльческое или промышленное товарищество, ведущее иногда большія операціи. Товарищество выбираетъ игумена, какъ директора-распорядителя, казначея-завѣ-

дующаго финансами, келаря, на которомъ лежитъ монастырское хозяйство, стряпчаго, которому поручается веденіе многочисленныхъ и нерѣдко сложныхъ процессовъ, въ какіе вступаетъ монастырь по своему имуществу, „купчину", завѣдующаго торговыми операціями, назначаетъ „приказныхъ" и „посельскихъ" старцевъ для управленія монастырскими имѣніями.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что организація монастырскаго управленія отражаетъ на себѣ устройство управленія земскихъ міровъ, волостей, которыми были окружены сѣверные монастыри и откуда приходили члены братіи. Дѣйствуетъ выборное начало. Должностныя лица избираются всей братіей, вкладчиками и старцами, иногда на годъ, какъ это было обыкновенно съ земскими должностями. Избранное лицо должно было находиться подъ непрестаннымъ контролемъ братіи „все дѣлати съ братскаго совѣту, а безъ совѣту ничего не дѣлати",—условіе, которое мы встрѣчаемъ и на земскихъ выборахъ,—вступая въ должность, расписаться и счесться съ тѣмъ, кто ее исполнялъ въ прошломъ году, а по истеченіи срока дать братіи отчетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ денегъ. Пишется актъ избранія, такъ называемый „выборъ за руками", скрѣпленный рукоприкладствомъ избирателей, которымъ обыкновенно сопровождались и земскіе выборы, и по этимъ актамъ виденъ характеръ дѣлъ, которыя возлагаются на избранныхъ и которыя особенно интересуютъ братію: „и быти ему"—читаемъ мы въ нихъ—„въ той пустынѣ строителемъ и казначеемъ и всякое ему монастырское дѣло вѣдати, казну и книги, и колокола вѣдати, и о всякомъ монастырскомъ дѣлѣ строеніе имѣти, и братіями и вкладчиками наряжати... А будетъ что продати или купити, или вкладчика приняти, или кого на починокъ порядити, или въ деревню послати посельщика"... и далѣе, указанія, какъ вести приходо-расходныя книги, считать казначея, какъ вынимать казну изъ кувшина въ присутствіи братіи... все чисто хозяйственныя дѣла и—ни слова о религіозныхъ обязанностяхъ настоятеля монастыря. Въ монастырѣ развиваются чисто промышленные коммерческіе аппетиты, жажда къ пріобрѣтенію, прибылямъ; онъ дѣлается алчнымъ пріобрѣтателемъ главнаго капитала страны, какимъ была въ то время земля, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ большіе земельные участки, привлекая ихъ разными путями: посредствомъ пожалованія отъ правительства, уступокъ отъ земскихъ міровъ и посредствомъ частныхъ сдѣлокъ: вкладовъ, купли, залога, не смотря при этомъ на неоднократныя запрещенія монастырямъ пріобрѣтать земли.

Впрочемъ, и само правительство много разъ пытавшееся присѣчь все болѣе тревожившій его ростъ монастырскихъ имуществъ, продолжаетъ въ теченіе XVII в. жаловать земли монастырямъ, правда—съ тою разницею, что теперь, въ особенности во второй половинѣ столѣтія, оно становится осторожнымъ и разсчетливымъ въ этихъ земельныхъ дачахъ, не означаетъ уже жалуемыхъ земель въ такихъ круглыхъ выраженіяхъ, какъ „на пять", или, „на десять верстъ во всѣ стороны вокругъ монастыря", а получивъ отъ монастыря просьбу объ отводѣ земель, предписываетъ мѣстнымъ властямъ предварительно „дозрить" землю, навести о ней справки, не принадлежитъ ли она кому-нибудь другому, и не такъ охотно освобождаетъ монастыри отъ платежа податей съ ихъ земель. Изъ частныхъ сдѣлокъ болѣе всего монастыри обогащались вкладами по душѣ и на постриженіе, а также пріобрѣтеніемъ земель въ качествѣ просроченныхъ залоговъ.

VI.

Сдѣлки этого послѣдняго рода — выдача денежныхъ ссудъ подъ залогъ земель—рисуютъ намъ сѣверный монастырь съ новой стороны, какъ кредитное учрежденіе, какъ своего рода банкъ. На ряду съ земельными богатствами монастырь скопляетъ значительные капиталы, которые охотно пускаетъ въ оборотъ, отдавая ихъ на проценты. Къ нему обращаются за ссудами земскіе міры, которые нерѣдко ведутъ свои дѣла при помощи займовъ. Такъ, напр., въ 1638 году Архангельскій-Устюжскій монастырь производитъ взысканія по выданнымъ имъ ссудамъ съ Вондокурскаго стана Орловской и Ерогоцкой волостей, Устюжскаго уѣзда. Къ монастырскому кредиту прибѣгаютъ и частныя лица, которыхъ монастырь ссужаетъ подъ залогъ земель, играя такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ роль современнаго намъ земельнаго банка. Закладывались земельные участки, цѣлыя деревни, по большей части доли деревень, а также пустоши и разныя угодья. Писался особый актъ — закладная. Неуплата денегъ въ срокъ вела къ потерѣ залога, поступавшаго въ пользу монастыря. До насъ дошелъ любопытный документъ, позволяющій взглянуть на степень развитія такого рода операцій въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастыряхъ. Это—выписка изъ устюжскихъ крѣпостныхъ книгъ о поземельныхъ сдѣлкахъ этихъ монастырей: залогахъ, вкладахъ и купляхъ, по которымъ не взыскано ка-

зенныхъ пошлинъ [1]). Выписка обнимаетъ періодъ времени въ 24 года, съ 1624 по 1648 г., и можно думать, что кромѣ означенныхъ въ ней сдѣлокъ были и другія, по которымъ пошлины взысканы, что она такимъ образомъ изображаетъ не всѣ сдѣлки.

Изъ этой выписки видно, что Архангельскій монастырь на Устюгѣ совершилъ всего 50 безпошлинныхъ земельныхъ пріобрѣтеній, изъ которыхъ 47 залоговъ, 2 вклада и 1 куплю. Ссуды выдавались устюжскимъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ, владѣвшимъ деревнями въ уѣздѣ. Въ качествѣ залоговъ только въ трехъ случаяхъ было принято по цѣлой деревнѣ. Обыкновенно же принимались 1/2 1/3 1/4 и другія болѣе мелкія дроби деревни. Наибольшій размѣръ ссуды было 800 руб. (единственный случай), наименьшій — 14 руб. Наиболѣе часты были мелкія ссуды, отъ 50 р. и ниже. Всего монастырь пріобрѣлъ по этимъ 50-ти сдѣлкамъ земель на 7.008 руб. За то же время другой изъ устюжскихъ монастырей, Троицкій-Гледенскій, совершилъ 42 сдѣлки, преимущественно залоги на сумму 4.114 руб. 16 алт. 4 деньги, Никольскій-Прилуцкій—на 1.076 р., Ивановскій—на 995 р., Телѣговъ—на 228 р. Изъ двухъ сольвычегодскихъ монастырей Введенскій—на 200 р. и Николо-Коряжемскій—на 100 р. Всѣми этими сдѣлками: вкладами, куплями и залогами, монастырь съ какою-то силою магнита тянетъ къ себѣ мелкими частицами земли, и справедливо писали еще въ 1627 г. крестьяне нѣсколькихъ волостей Устюжскаго уѣзда въ своей коллективной жалобѣ царю на старцевъ Телѣгова монастыря, которые не послушали указа о запрещеніи монастырямъ пріобрѣтать черныя земли: „и нынѣ безпрестанно въ черныхъ волостяхъ у тяглыхъ крестьянъ деревни и пожни, и пашни, и всякія угодья покупаютъ и за вклады емлютъ, и что, Государь, было въ тѣхъ волостяхъ лучшихъ деревень и крестьянъ, то они старцы все побрали къ себѣ за монастырь“.

Хозяйственныя операціи, предпринимавшіяся монастырями, и многочисленныя юридическія сдѣлки, въ которыя они вступали, создавали для нихъ постоянныя и неизбѣжныя отношенія съ сосѣдями, съ цѣлыми земскими мірами, посадами, сельскими волостями, какъ и съ отдѣльными ихъ членами, окутывая монастыри сложной мелкой паутиной житейскихъ, привязывавшихъ ихъ къ земнымъ интересамъ, нитей. Нельзя сказать, чтобы эти отношенія были всегда гладки. Даже болѣе того, нерѣдко они были прямо враждебны. Въ отношеніяхъ къ монастырю древне-русское

[1]) Моск. Арх. Иностр. Д. Прик. Дѣла 1652. № 138.

общество обнаруживаетъ ту же двойственность, которую оно проявляло вообще къ духовенству, безъ котораго не могло обойтись и которое часто не уважало. Чтя святыню монастыря и неся въ монастырь обильныя пожертвованія, оно постоянно споритъ, ссорится и судится съ монастыремъ. Хорошо извѣстно изъ житій, какъ недружелюбно встрѣчали отдѣльные сельчане и цѣлыя деревенскія общества святыхъ отшельниковъ, пытавшихся основаться въ предѣлахъ ихъ владѣній, какъ искони ненавидящій благо человѣческаго рода дьяволъ влагалъ въ сердца этихъ сельчанъ размышленія въ родѣ такихъ, что „аще не престанутъ бывати чудеса... и состроится монастырь, и вселятся ту мниси, по малѣ времени совладѣетъ нами и селы нашими“..., и какъ эти неблагодарные люди „отъ прилежащія веси“ обращались къ святому отшельнику со словами: „отче, неугодно намъ твое здѣ пребываніе“, а иногда и выгоняли его отъ себя силой.

Съ той же тревогой смотрятъ деревенскіе жители на монастырь и позже, чуя отъ него постоянную опасность для своихъ землевладѣльческихъ правъ, и это заставляетъ ихъ зорко слѣдить за каждымъ юридическимъ шагомъ монастыря. Въ 1608 г. четверо крестьянъ складниковъ, которымъ принадлежала деревня Льняникова и при ней находившійся въ ихъ общемъ пользованіи выгонъ, заключаютъ межъ собой любопытный договоръ: „Слыхъ до насъ доходитъ“,—пишутъ они въ этомъ договорѣ,—„сказываютъ, на ту нашу вопчую землю (выгонъ) привезли государеву грамоту Живоначальные Троицы съ Гледена старцы“... Участники договора постановляютъ сообща стоять противъ монастыря, защищать землю на судѣ и вмѣстѣ нести судебныя издержки въ случаѣ судебнаго процесса, котораго они ожидаютъ и къ которому заблаговременно готовятся и принимаютъ свои мѣры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая тревога перейдетъ иногда въ раздраженіе, которое выскажется въ рѣзкомъ словѣ по адресу монастыря, по поводу его постоянныхъ земельныхъ пріобрѣтеній. Игуменъ и братія Кожеозерскаго монастыря въ 1644 г. бьютъ челомъ на каргопольца посадскаго человѣка Романа Ватагина государю въ томъ, что онъ бранитъ ихъ всякою неудобною бранью и называетъ ихъ ворами: „всѣ де чернецы собрались въ монастырь воры и холопи и государевы де грамоты добываютъ ложныя и будто мы, нищіе, по тѣмъ грамотамъ всякія угодья и деревни отымаемъ сильно“ [1]).

---

[1]) Акты Холмогорской и Устюжской епархіи. II. Б. № VIII. — М. Арх. Мин. Ин. Д. Прик. Дѣла 1644, № 15.

Столкновенія монастырей съ сосѣдними земскими мірами часты и происходятъ по разнымъ поводамъ. Въ особенности часто ведутъ къ ссорамъ три вопроса: о переходѣ крестьянъ изъ-за монастыря въ волость и, наоборотъ, изъ волости въ монастырь, споры о землѣ и вопросъ о разверсткѣ и платежѣ податей и повинностей. Иногда монастырю приходится жаловаться на черную волость, пріютившую бѣжавшихъ изъ-за монастыря крестьянъ, и требовать ихъ возвращенія. Гораздо чаще, однако, обратное явленіе: переходъ за монастырь волостныхъ крестьянъ, которыхъ волость отыскиваетъ. Черные крестьяне разрываютъ связи со своею волостью троякимъ образомъ: или уходятъ изъ волости, бросая свои участки, поряжаясь на монастырскую землю, привлекающую ихъ своими льготами, или отчуждаютъ свои участки монастырю и, оставаясь на нихъ, „отымаются“ отъ мірскихъ повинностей, считая себя выбывшими изъ волостной общины, или, наконецъ, закладываются лично за монастырь, становятся монастырскими „закладнями“, и на этомъ основаніи отказываются принимать участіе въ дѣлахъ волостного міра. Въ 1630 году черные крестьяне Камарицкаго стана, Устюжскаго уѣзда, жалуются, что послѣ переписи 1624 года и послѣ состоявшагося тогда запрещенія монастырямъ пріобрѣтать черныя земли, а чернымъ крестьянамъ ихъ отчуждать въ монастыри, у нихъ на Камарицѣ и въ Юрьевѣ Наволокѣ, и на Бѣлой Слудѣ, и въ иныхъ многихъ станахъ и волостяхъ, многіе крестьяне отбывая государевыхъ службъ и податей, деревни и пожни, и пашни и всякія угодья продаютъ въ монастырь, закладываютъ и даютъ вкладами. „А иные крестьяне опричь деревень сами закладываются въ Телѣговъ монастырь на Двинѣ и Новую пустынь Соловецкихъ Чудотворцевъ. Старцы тѣхъ монастырей по волостямъ ѣздятъ со спискомъ съ жалованной грамоты и тѣхъ крестьянъ отъ волостей отымаютъ, къ государевымъ службамъ выбирать не даютъ, податного платежу платить имъ не велятъ“ и объявляютъ ихъ неподсудными волостной администраціи. При этой жалобѣ приведены и цифровыя данныя о такихъ переходахъ крестьянъ за два названные выше монастыря послѣ писцовъ 1624 г. Оказывается, что изъ Камарицкаго стана Верхняго конца „порядились“ за монастырь волостныхъ крестьянъ трое, „заложили“ и „положили“ деревни за монастырь трое и сами лично заложились семеро. За то же время изъ Бѣлослудской волости вышли такими же путями за монастыри 15, изъ Юрьева-Наволока 2 и изъ сосѣдней съ Камарицкимъ станомъ Пермогорской волости 33 крестьянина.

Поземельныя тяжбы между черными волостями и монастыремъ возникаютъ обыкновенно изъ споровъ о землѣ между черными крестьянами и монастырскими, причемъ монастырь держитъ сторону послѣднихъ и защищаетъ ихъ интересы на судѣ. Тяжбы эти въ XVII в. такъ многочисленны, что примѣровъ ихъ можно привести сколько угодно. Обладая значительными денежными личными средствами, имѣя въ своей средѣ опытныхъ „стряпчихъ“-спеціалистовъ юридическаго дѣла, располагая притомъ связями и въ мѣстныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, и въ московскихъ приказахъ, монастыри, повидимому, не боялись процессовъ съ черными волостями, будучи заранѣе увѣрены въ выигрышѣ дѣла. Вообще они обнаруживали значительную склонность къ сутяжничеству по поземельнымъ дѣламъ съ сосѣдями, лучшимъ примѣромъ чего могутъ служить процессы Пыскорскаго монастыря, начатые имъ противъ своихъ же создателей и благотворителей—Строгановыхъ. Идея „мертвой руки“ еще не сложилась въ церковномъ землевладѣніи XVII в., но эти монастырскія тяжбы вскрываютъ намъ ту жадность, съ которою монастырь поглощалъ окрестную землю, и цѣпкость, съ которою обмирающая рука хваталась за каждый клочокъ земли, попадавшій такъ или иначе въ ея владѣнія.

Третій случай—разверстка и платежъ податей—былъ едва-ли не самымъ частымъ поводомъ къ столкновенію между монастыремъ и земскими мірами. Въ составѣ монастырскихъ владѣній надо различать два рода земель. Была часть земли, которая не несла тягла и называлась бѣлой. Сюда относилась площадь, занятая самимъ монастыремъ, и монастырская пашня, воздѣлывавшаяся личнымъ трудомъ братіи: монастырскими вкладчиками, слугами и дѣтенышами, а также барщиной монастырскихъ крестьянъ, подобно тому какъ въ служилыхъ вотчинахъ отъ податей освобождались барская усадьба и барская запашка. Въ другую категорію монастырскихъ земель входили земли, отдававшіяся участками крестьянамъ и половникамъ; онѣ разсматривались какъ тяглыя, подлежавшія обложенію, если онѣ только не были освобождены отъ платежа нѣкоторыхъ податей особыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ жалованными грамотами, тарханами, которыя съ началомъ XVII в. выдаются все рѣже, а къ концу вѣка совсѣмъ прекращаются. Монастыри, крестьянскія земли которыхъ не пользовались никакими льготами, носили въ XVII в. названіе „черныхъ тяглыхъ монастырей“. Эти монастырскія владѣнія, на которыхъ сидѣли крестьяне или половники, слѣдуетъ представлять въ двухъ видахъ. Они бывали иногда такихъ обширныхъ

размѣровъ, что составляли цѣлые особые земскіе міры, волости. Такія волости становились монастырскими вотчинами путемъ пожалованія: такъ, напр., Шунгскій погостъ въ Заонежьѣ былъ одно время вотчиной Тихвина монастыря. Подобными же волостями владѣлъ Соловецкій монастырь. Монастырская волость была законченнымъ цѣлымъ, подчиненной монастырю административной и финансовой единицей, округомъ, обособленнымъ отъ сосѣднихъ такихъ же округовъ, населенныхъ черными крестьянами, съ которыми у такой волости были отношенія двухъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и равноправныхъ областныхъ единицъ. Другія владѣнія монастыря состояли изъ деревень, или частей деревень, иногда очень небольшихъ, разбросанныхъ по чернымъ волостямъ и пріобрѣтенныхъ монастыремъ отъ черныхъ же крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ. Такія земли означались въ писцовыхъ книгахъ въ выраженіяхъ: „Николы жъ Чудотворца... деревни, что они (старцы) купили изъ черныхъ волостей“... „Въ Окологородной же волости деревни монастырскія, а бывали волостныя тяглыя деревни и владѣютъ ими монастыри по купчимъ и по даннымъ“. Вотъ эти-то инкорпорированные въ черныхъ волостяхъ клочки монастырской земли въ видѣ отдѣльныхъ деревень или частей деревни и вели обыкновенно къ препирательствамъ монастырей съ черными волостями изъ-за разверстки и платежа податей. Участки черной земли, пріобрѣтаемые монастыремъ, выходили изъ владѣнія черныхъ крестьянскихъ обществъ, но тягло, наложенное на эти участки, продолжало входить въ составъ волостного тягла, и крестьяне, на нихъ сидѣвшіе, становясь съемщиками монастырской земли, продолжали оставаться членами волостного міра, какъ тяглой организаціи.

Изъ такой двойственности положенія крестьянъ и возникали раздоры. Черные крестьяне жаловались правительству, что монастыри съ своихъ земель податей не платятъ, что прежде старцы всякія государевы подати платили съ ними, крестьянами, вмѣстѣ, „а нынѣ никакихъ податей съ ними платить не учали, невѣдомо для чего“, что на нихъ, крестьянахъ, однако, тѣ деньги казна ежегодно взыскиваетъ, и что они, платя за монастырскія вотчины, въ конецъ погибли. Въ свою очередь, монастыри были недовольны финансовыми порядками, царившими въ черныхъ волостяхъ, и жаловались, что эти волости разверстываютъ подати не по вытямъ, которыя обозначены въ писцовыхъ книгахъ, а вводятъ свой произвольный „бѣлочный окладъ“ (бѣлка—особая мірская единица обложенія); что при этомъ монастырскія земли облагаютъ вдвое, втрое и даже впятеро про-

тивъ земель своей братіи; что подвергаютъ немилосердному правежу монастырскихъ посельскихъ и ключниковъ, управляющихъ монастырскими деревнями, также и монастырскихъ половниковъ, устанавливаютъ мірскіе поборы на кормы и разносы въ почесть воеводамъ и приказнымъ людямъ", въ которыхъ монастыри не были заинтересованы, такъ какъ, очевидно, могли снискивать расположеніе администраціи иными путями; собранными деньгами распоряжаются недобросовѣстно, задерживаютъ ихъ у себя—„на винѣ пропиваютъ и на харчу проѣдаютъ", сами корыстуются и расписываютъ въ бездѣльныя издержки; заключаютъ мірскіе займы безъ вѣдома и согласія монастырей, причемъ выдаютъ на себя двойныя и тройныя кабалы и потомъ взыскиваютъ съ монастыря деньги для расплаты по нимъ; не сообщаютъ монастырямъ никакой отчетности, не приглашаютъ монастырскихъ крестьянъ на совѣты и обходятъ ихъ избраніемъ на вліятельныя должности.

Челобитныя съ жалобами и взаимными упреками летятъ съ той и другой стороны въ московскіе приказы и наполняютъ собой теперь ихъ архивы. Монастырь заканчиваетъ каждую челобитную неизбѣжнымъ ходатайствомъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ ему выдать „особную отпись", т.-е. приказалъ отписать монастырскія владѣнія отъ волостей въ платежѣ сборовъ. Наоборотъ, волости, которымъ было невыгодно лишаться такихъ сильныхъ плательщиковъ, постоянно просятъ, чтобъ государь предписалъ сохранить прежній порядокъ: монастырямъ платить вмѣстѣ съ волостными людьми. Правительство, по большей части, поддерживало міры, стояло за старый порядокъ, предписывая монастырямъ „платить съ волостными людьми вмѣстѣ всякіе денежные доходы по прежнему, какъ то изстари повелось". Иногда, впрочемъ, требовало уплаты и отбыванія въ рядъ съ міромъ только нѣкоторыхъ податей и повинностей, а именно: ямскихъ денегъ, ямскихъ и стрѣлецкихъ запасовъ и городового дѣла, разрѣшая всѣ остальныя подати платить отдѣльно въ однихъ случаяхъ прямо въ Москвѣ, въ другихъ—въ мѣстную воеводскую избу.

Иногда же монастырю удавалось совершенно обособиться отъ міра въ платежѣ податей. Безконечныя пререканія и взаимныя жалобы устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастырей съ земскими мірами въ платежѣ податей побудили правительство выработать общія нормы для разверстки податей между ними. Но изданные указы не внесли, однако, успокоенія. Въ 1692-мъ году, хлопоталъ объ умиреніи монастырскихъ властей съ земскими мірами устюжскій архіепископъ Александръ, поручая своему казначею устроить соглашеніе мірскихъ представителей съ монастырями при по-

средствѣ виднаго устюжскаго коммерсанта, гостя Василія Грудцына, пользовавшагося, повидимому, расположеніемъ архіепископа и несомнѣнно большимъ вліяніемъ въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ сферахъ. Соглашеніе имѣло цѣлью производство окончательнаго разсчета въ платежахъ прежнихъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы впредь „въ платежахъ верстаться и покладываться по доходамъ, по правдѣ". Оно, однако, не состоялось, и въ 1695 году мы видимъ опять столкновеніе земскаго міра съ монастырями.

Итакъ, сѣверный монастырь возникалъ либо какъ уединенная пу́стыня среди глухого, дикаго лѣса, или на берегу негостепріимнаго моря, гдѣ одинокій отшельникъ совершалъ аскетическіе подвиги; такія пу́стыни не перестаютъ возникать вновь и въ теченіе XVII в., либо какъ учрежденіе общественнаго призрѣнія, сооружавшееся по близости посада или волости, поддерживаемое земскимъ міромъ, интересамъ котораго это учрежденіе должно было служить. Въ дальнѣйшемъ развитіи, тѣ и другіе монастыри на сѣверѣ пріобрѣтали одну и ту же черту—убѣжищъ, гдѣ находили себѣ пріютъ, заполняя собой монастырь, мірскіе люди—вкладчики, не порывавшіе своихъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ,—пріобрѣтали характеръ промышленныхъ или землевладѣльческихъ компаній, которыя вели коммерческія, а также банкирскія операціи, торговали не только продуктами эксплоатаціи своихъ владѣній, но и деньгами. Путемъ правительственныхъ пожалованій, а затѣмъ все болѣе путемъ частныхъ сдѣлокъ—вклада, купли и залога—монастыри скопляли въ своихъ рукахъ большія количества земли на сѣверѣ и становились могущественными, опасными и безпокойными сосѣдями „черныхъ" волостей, съ которыми постоянно приходили въ столкновеніе и вели тяжбы изъ-за крестьянскихъ побѣговъ, земельныхъ владѣній, и т. п.

Монастырь, такимъ образомъ, получилъ двойственный характеръ учрежденія, гдѣ аскетическіе идеалы должны были уживаться съ хозяйственною дѣйствительностью. Вотъ почему и отношеніе общества къ монастырю на сѣверѣ было также двойственнымъ. Находя душевный миръ и тѣлесный покой подъ сѣнью монастырскихъ святынь, къ которымъ оно благоговѣйно притекало, оно постоянно опасалось монастыря, какъ экономическаго конкуррента, и, неся ему обильныя приношенія деньгами и землею, оно постоянно ссорилось и судилось съ монастыремъ изъ-за тѣхъ же земель и денегъ въ составѣ земскаго міра.

М. Богословскій.

ИБЛИОТЕКА